

ОРИЕНТИР — ПОДВИГ * ЗА РУБЕЖОМ

Книга «Моцарт», фрагменты из которой мы вам предлагаем, вызвала широкий резонанс, которого не вызывал ни один музыковедческий труд. Это исследование вошло в зарубежную моцартиану. В книге много необычного и поразительного. И прежде всего то, что она написана выдающимся советским дипломатом, наркомом иностранных дел Героем Васильевичем Чичериним.

МОЦАРТ шел вперед сознательно. Не гуляка праздный, не гениальный дурачок, не мелкий глупый мещанин, в которого якобы по странной аберрации природа всадила музыкальный гений. Нет, с полным кругозором гения он завоевывал будущее сознательно. Параллельно с этим происходит скорбная трагедия: разрыв Моцарта с обществом и со вкусом современников.

Рохлиц находил, что «дух художников в своей редкости и необычности, великий и возвышенный, выступает как явление из другого мира»...

Моцарт был чужой для современников. Таким он сделался в годы полной зрелости. Собственно-детскими были только его самые ранние сочинения; произведения его ранней молодости были прекрасными, совсем не детскими вещами, хотя еще не оторвавшимися полностью от XVIII века; бездна, отделяющая их от зрелого Моцарта.

Аберт говорит: «Искусство юного Моцарта с его рыцарственным огнем, часто неожиданными порывами душевной боли и богатейшим потоком мыслей овеяно особой прелестью».

О последних, важнейших годах жизни Моцарта Аберт пишет: «Он предпочел принять мученичество, которое обрушилось на него в последние годы его жизни, чем ради внешней выгоды опереться на круг чувств, из которых он внутренне вырос».

Уже первое время его пребывания в Вене, когда он еще давал успешные концерты, таит, по верному замечанию Мерсмана, внутренний надрыв. «Блеск первых венских лет, времени больших фортепианных концертов, уже не тот, что в юности, подлинное изнутри бьющее выражение жизни; он напоминает искусную раскраску, покрывающую поблекшее лицо. И нет никаких сомнений в том, чем закончится этот процесс: из любимца богов, на юность которого с таким расточительным изобилием излились, казалось, все их сияние, он превращается в сломленного, больного человека, который расстается с жизнью в тридцать шесть лет».

В период наивысшего расцвета гения Моцарта его творчество остается без резонанса в окружающем мире. «Пиши популярнее, — увещевал Моцарта его издатель Гоффмейстер, — иначе я не могу больше тебя печатать и платить тебе». — «Ну значит я больше ничего не

Жизнь Замечательных Людей

ВЕЛИКИЕ МУЗЫКАНТЫ

МОЦАРТ

заработаю, — гласил ответ, — буду глотать, ну и плевать мне на это!».

Начало зрелого периода Моцарта, означая разрыв с XVIII веком, совпало с его разрывом с отцом. Вопреки воле отца, Моцарт, постоянно оскорбляемый архиепископом, ушел из зальцбургской службы и стал свободным художником (свободным и голодающим) и вопреки воле отца он женился на Констанце Вебер, сестре Алоизиуса.

В XVIII веке все музыканты были обыкновенно на должностях, как Гайди у Эстергази; Моцарт первым из крупнейших музыкантов порвал с этим обыкновением и остался свободным художником, как потом Бетховен.

Подобно поэту Гельдерлину, ровеснику Бетховена, Моцарт не был по-настоящему (или был превратно понимаем), XIX веком, и только XX век начал в нем лучше разбираться, ибо Моцарт по существу шел дальше XIX века. Романтики восторгались Моцартом и сильно способствовали его распростра-

нению, но воспринимали его совершенно превратно. Другие меломаны того времени его совершенно, абсолютно не понимали.

В результате этой глубочайшей концентрации Моцарт так мало доступен. Громадная, неслыханная сложность — внутри его. Это только теперь стали понимать. Чем больше его изучаешь, тем больше обнаруживается эта сложность. Лишь тогда, когда очень глубоко в него вдумаешься, его внутренняя сложность начинает открываться. Что казалось веселеньким, оказывается глубочайшим пессимизмом и таинственной проблематикой. Поэтому изучение Моцарта требует очень серьезной музыкальной культуры. Массы его будут все больше понимать по мере того, как они будут все больше овладевать и общей культурой, и музыкальной.

Моцарт взорвал XVIII век и вышел в будущее. Элементы будущего в творчестве Моцарта вытекают из самой сущности этого творчества, являющего собой узловой пункт. Он — полнейшая противоположность формалистическому, рассудочному, манерному, внешне грациозному и элегантному XVIII веку (рококо которого включает в себя дворянский и буржуазный элемент), однако он высосал из него лучшее, чтобы затем убить его. Синтез стал антитезисом, из него вышел разрушитель.

Все это прошлое, и дворянское, и буржуазное, и народное, ремесленное, крестьянское, в нем подает руку будущему и входит в состав создания нового мира. Элементы прошлого превращаются в нем в элементы будущего. Водораздел пройден — в результате охват далекого будущего. Как говорит Лерт, музыка Моцарта «обладала страшной силой сжимать все самые противоположные течения эпохи и, сплавив их воедино, порождать новое».

Прежде всего в элементах будущего у Моцарта мы находим ту психологическую многогранность характеров — не бытовые зарисовки, а воплощение характеров, которые делают его вторым Шекспиром и сближают с психологическим романом XIX века. В музыке не было ничего подобного ни до, ни после него; в поэзии не было ничего подобного после Шекспира.

Для меня Моцарт по существу композитор будущего. Лично же для меня Моцарт композитор настоящего и даже единственный вполне настоящий композитор. Некарт и амврозия, космизм, — чувственный, оргиастический, — смерть и жизнь, скорбь и жизнеутверждение, преодоление человека в общем, но в живой всеобщности, бесконечное многообразие живой жизни и человеческих характеров, бездонная таинственность и живая близость, красота Бодлера и греческие гирлянды цветов, юношей и девиц, Леонардо и светлый, уютный дом Шалапина, синтез синтезов. Моцарт для меня то, что Давид Койген называет «социально-космическая интимность», глубина в реальном посредством всеобщего. Мой лучший друг, мой единственный вполне настоящий друг.